

Мои воспоминанія и размышленія ¹⁾.

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ).

Когда мы были уже въ V классѣ, былъ случай ходатайства со стороны IV класса передъ директоромъ института объ удаленіи одного изъ ихъ товарищей Д. за многократные случаи кражи разныхъ мелочей и денегъ у товарищей. Директоръ взглянулъ на это дѣло снисходительнѣе учениковъ и объяснилъ имъ, что въ этомъ возрастѣ понятіе о моемъ и твоёмъ не бываетъ еще такъ развито, какъ у взрослыхъ, и товарищъ нерѣдко беретъ какую-либо нужную ему въ данное время вещь у товарища, чтобы потомъ возвратить ее, а затѣмъ забываетъ объ этомъ, но что во всякомъ случаѣ дѣло будетъ разслѣдовано и не будетъ оставлено безъ взысканія.

Но я зашелъ уже слишкомъ далеко впередъ. Возвратясь послѣ постигшей меня невзгоды чрезъ двѣ слишкомъ недѣли въ институтъ, я былъ порадованъ тѣмъ, что Аполлонъ Малово пересталъ быть моимъ сосѣдомъ и сидѣлъ на противоположномъ концѣ класса чуть ли не одинъ на всей скамейкѣ, и я снова могъ хорошо учиться безъ всякой помѣхи. О моемъ злключеніи никто изъ моихъ товарищей со мной не заговаривалъ, и я конечно не говорилъ, хотя вообще наказаніе розгами особенно при Ржевскомъ было столь обычно въ институтѣ, что рѣшительно никто не стыдился подвергаться ему: наказаніе это существовало для насъ и устрашало насъ только какъ боль, не болѣе. Считалось даже молодечествомъ храбро безъ всякихъ унижительныхъ просьбъ переносить его, особенно же безъ всякихъ криковъ и стоновъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1915 г.

Вскорѣ послѣ моего злѣключенія былъ къ намъ назначенъ директоромъ экстраординарный профессоръ политической экономіи въ Московскомъ университетѣ Александръ Ивановичъ Чивилевъ. Мы очень гордились тѣмъ, что это былъ профессоръ, да еще не ординарный какой-либо, а экстраординарный, и притомъ политической экономіи. Самъ онъ произвелъ на насъ очень хорошее впечатлѣніе своею фигурой, своею сдержанностью и благовоспитанностью и особенно тѣмъ, что наказанія за безуспѣшность ученія были имъ совсѣмъ отмѣнены; самъ онъ никогда не прибѣгалъ къ розгамъ, и впоследствии, когда инспекторомъ былъ назначенъ Ронцевичъ, наказаніе это употреблялось въ рѣдкихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ исключеніе изъ правила. Но отмѣна наказаній за безуспѣшность ученія не выдержала пробы времени: ученіе начало приходить въ упадокъ, число лѣнтяевъ размножилось, и наказанія за плохое ученіе были восстановлены, но самымъ тяжкимъ изъ нихъ было оставленіе безъ отпуска домой.

Чивилева ученики такъ полюбили въ началѣ, что когда онъ вскорѣ послѣ своего назначенія опасно заболѣлъ, это было общее горе для учениковъ, и они служили молебны о скорѣйшемъ его выздоровленіи, выучили молитвы за болящихъ и ежедневно ихъ читали и утромъ и вечеромъ, вынимали просфоры за его здравіе и посылали ихъ къ нему. Впоследствии ученики до нѣкоторой степени въ немъ разочаровались и находили, что онъ человѣкъ очень мало сердечный и будто бы очень мало нами интересовавшійся и занимавшійся и все сваливавшій съ себя на инспектора Ронцевича. Послѣдній былъ и очень умный, и въ сущности очень добрый человѣкъ и хорошій педагогъ, но очень вспыльчивый и при этомъ очень кривливый и бранчивый, что вызывало по временамъ отпоръ со стороны учениковъ старшихъ классовъ. Такъ, разъ въ дортуарѣ IV класса на одного изъ учениковъ Мевеса онъ крикнулъ „болванъ“, на что получилъ отъ него въ отвѣтъ: „Болванъ подъ парикомъ“, а Ронцевичъ какъ разъ носилъ парикъ. Мевесъ былъ за это высѣченъ тутъ же и при этомъ не пикнулъ, чѣмъ снискалъ съ нашей стороны большое уваженіе.

При Чивилевѣ и Ронцевичѣ дѣла въ институтѣ пошли вообще много лучше прежняго. Не мало содѣйствовало этому и то, что гр. С. Г. Строгоновъ послѣ катастрофы со Ржевскимъ сталъ чуть ли не каждый день бывать въ институтѣ въ различную пору дня, но болѣе всего въ урочное время, обходя классы и въ каждомъ оставаясь не менѣе получаса. При этомъ

онъ требовалъ, чтобы при немъ прежде всего спрашивали лучшихъ учениковъ, а затѣмъ, если оставалось время, одного или двоихъ изъ среднихъ и изъ самыхъ слабыхъ, и на урокахъ изъ иностранныхъ языковъ не позволялъ спрашивать незаданное и неприготовленное (*à livre ouvert*) и при этомъ всегда дѣлалъ замѣтки въ своей записной книжкѣ. Впослѣдствіи, когда я былъ на службѣ въ Петербургѣ и состоялъ дѣлопроизводителемъ Высочайше утвержденной комиссіи по преобразованію гимназій, въ которой предсѣдателемъ былъ гр. С. Г. Строгоновъ, онъ въ разговорѣ объ этихъ своихъ посѣщеніяхъ института и своихъ письменныхъ замѣткахъ рассказалъ мнѣ, что онъ въ этомъ случаѣ слѣдовалъ примѣру ганноверскаго министра народнаго просвѣщенія гр. Мюнхгаузена и посѣщалъ уроки не столько съ цѣлью контролировать учителей или направлять ихъ дѣятельность, сколько съ цѣлью знакомиться съ наиболее даровитыми и прилежными учениками, рекомендовать ихъ особенному вниманію учителей и начальства, всячески поощрять и поддерживать и слѣдя за ними со школьной скамьи и не упуская ихъ изъ виду и въ университетѣ, привлекать ихъ по возможности къ учебной службѣ въ среднихъ или въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и что такимъ образомъ ему удалось по одному историко-филологическому факультету подготовить для Московскаго университета такихъ профессоровъ, какъ С. М. Соловьевъ, М. Н. Катковъ, П. М. Леонтьевъ, Ѳ. И. Буслаевъ и отчасти П. Н. Кудрявцевъ, котораго онъ узналъ только въ университетѣ, такъ какъ онъ былъ воспитанникомъ семинаріи.

Я принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ своего класса съ самаго моего поступленія въ институтъ, и мнѣ приходилось почти всякій разъ отвѣчать при гр. Строгоновѣ, столько же по латинскому языку, сколько и по математикѣ, по русскому и обоимъ новымъ языкамъ. Въ этомъ отношеніи я самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергнулъ опасенія, высказанныя моимъ отцомъ директору Краузе при отдачѣ меня въ институтъ, что я буду плохо учиться и не разъ оставаться на другой годъ въ томъ же классѣ. Этого со мною ни разу не случилось, тогда какъ братъ мой Дмитрій былъ въ первомъ же классѣ оставленъ на другой годъ изъ-за ариеметики. Напротивъ, при переходѣ изъ I-го класса во II-ой я получилъ призъ I-ой степени книгу съ надписью: „За отличные успѣхи и благонравіе“, и точно также при переходѣ изъ II-го класса въ III-ій „за благонравіе и успѣхи въ наукахъ“. Книги эти до сихъ поръ у меня

хранятся; выборъ ихъ можетъ показаться случайнымъ, несоответственнымъ возрасту и степени развитія ученика. При переходѣ во II-ый классъ мнѣ дали прекрасное изданіе съ гравюрами: „Les Aventures de Télémaque, suivies des Aventures d'Aristonous par Fénelon, augmentées d'un vocabulaire de tous les termes d'histoire, de mythologie et de Géographie ancienne, employés dans ces deux ouvrages par Guésde. Paris. Hangerot. 1837 г., а при переходѣ въ III-ий классъ. Сочиненія К. Батюшкова Спб. 1834 г. въ двухъ частяхъ, вмѣстѣ переплетенныхъ.

Очевидно, что ни тою, ни другою изъ этихъ книгъ я не могъ тотчасъ же воспользоваться. Теперь подобные призы, сколько извѣстно, даются съ несравненно большимъ разборомъ и вниманіемъ къ возрасту, потребностямъ и наклонностямъ учениковъ. Въ послѣдующихъ классахъ я не разъ получалъ похвальные листы за свое ученіе и поведеніе. Учились мы очень много. Вставали во всякое время года въ 6 часовъ по звонку послѣ неоднократныхъ возгласовъ надзирателей, обходившихъ дортуары своихъ классовъ auf, auf, stehen Sie auf или levez vous, messieurs, levez vous—при чемъ болѣе энергичные и насильственные въ родѣ Шпангенберга стаскивали одѣяла со слишкомъ разоспавшихся учениковъ. Къ $\frac{1}{2}$ 7 часа мы всѣ должны были быть умыты и одѣты, быть у себя въ классѣ на большой репетиціи, продолжавшейся $1\frac{3}{4}$ часа, до четверти девятаго. Затѣмъ строились попарно въ ряды и мѣрнымъ шагомъ шли въ столовую пить чай или молоко (давалась большая кружка того или другого) съ особенно цѣнимою нами большой булкой бѣлаго хлѣба. Хорошіе ученики могли и на свой счетъ прикупать еще одну такую же или сдобную булку. Это была первая наша пища черезъ 3 часа послѣ нашего вставанья и послѣ усиленной для большинства работы въ эту первую главную репетицію. Затѣмъ смотря по времени года мы гуляли, бѣгали и играли или на нашемъ дворѣ, или въ своихъ рекреационныхъ залахъ. Въ 9-ть часовъ по звонку всѣ должны были быть на своемъ мѣстѣ въ своемъ классѣ. Съ 9-ти до 12-ти часовъ были два урока, каждый по полтора часа, съ промежуткомъ въ 10 или 15 минутъ. Затѣмъ, приведя себя въ должный порядокъ, мы строились въ ряды попарно и шли мѣрнымъ шагомъ въ столовую обѣдать. Здѣсь лучшіе по ученью ученики, записанные красными чернилами въ вывѣшенномъ въ каждомъ классѣ спискѣ учениковъ, получали къ супу пирожки съ говядиной. За обѣдомъ было 4 блюда съ пирожнымъ, за ужиномъ 2 блюда. Вообще кормили насъ по-казенному не дурно, въ случаѣ же

какихъ - либо изъяновъ, несмотря на всѣ строгости, сильно доставалось отъ насъ эконому, который предпочиталъ прикидываться глухимъ и проходя столовою на всѣ наши неблагопріятные для него возгласы всегда отвѣчалъ одно и то же: „Кушайте, кушайте на здоровье“. На обѣдъ и слѣдующую большую рекреацію шло 2 часа съ 12 до 2-хъ. Затѣмъ была малая репетиція въ $\frac{3}{4}$ часа, а въ 3 часа снова были два урока до 6-ти часовъ. Послѣ 6-ти часовъ намъ давали по булкѣ хлѣба и была малая рекреація до 7-ми часовъ. Въ 7 часовъ начиналась большая вечерняя репетиція, длившаяся $1\frac{1}{2}$ часа до $\frac{1}{2}$ 9-го часа, для маленькихъ довольно утомительная, потому что съ 8-ми часовъ уже сильно хотѣлось спать, а зоркіе надзиратели спать не давали и за такой несвоевременный сонъ взыскивали. Съ $\frac{1}{2}$ 9-го до $\frac{1}{2}$ 10-го были ужинъ, рекреація и общая молитва на сонъ грядущимъ, которую читалъ одинъ изъ учениковъ III класса въ младшемъ отдѣленіи и VI класса въ старшемъ. Въ $\frac{1}{2}$ 10-го часа мы шли на верхъ въ дортуаръ, раздѣвались и ложились спать. Такимъ образомъ на сонъ полагалось 8 часовъ, на мытье, одѣванье и раздѣванье 1 часъ, на уроки съ учителями 6 часовъ и на приготовленіе къ урокамъ 4 часа, всего на работу 10 часовъ и на пищу и рекреаціи 5 часовъ. Для обучавшихся греческому языку, начиная съ III класса, три раза въ недѣлю сокращалась большая рекреація на $\frac{3}{4}$ часа и малая репетиція на столько же, и такимъ образомъ въ эти дни на ученье шло по $10\frac{3}{4}$ часа, а на пищу и рекреаціи по $4\frac{3}{4}$ часа. Тѣмъ не менѣе ни о какомъ переутомленіи и помину не было, самое слово это вовсе не было извѣстно; ученики пользовались цвѣтущимъ здоровьемъ и несмотря на суровый режимъ отличались жизнерадостнымъ настроеніемъ духа и въ послѣдствіи оказывались бодрыми, энергическими и полезными работниками на различныхъ поприщахъ государственной и общественной службы, а многіе изъ нихъ достигали значительнаго долголѣтія: укажу для примѣра на графа Дмитрія Алексѣевича, на барона Артура Павловича Моренгейма, на Дмитрія Николаевича Батюшкова, да и на самого себя.

Объясняется это неуклонно нравственнымъ образомъ жизни воспитанниковъ института, хорошею вообще пищею, превосходнымъ помѣщеніемъ и всякаго рода гимнастическими и физическими упражненіями, а главное подвижными играми, по возможности, на чистомъ воздухѣ на институтскомъ дворѣ. Первые четыре года моего ученія прошли въ старомъ институтскомъ зданіи, выходившемъ главнымъ фасадомъ на Тверскую, съ двумя

по бокамъ куполами и боковыми флигелями, тянувшимися на большое пространство по Долгоруковскому и Газетному переулкамъ, а между ними простирался огромный дворъ, частью засаженный деревьями и со множествомъ всякаго рода приспособленій къ гимнастическимъ упражненіямъ, играмъ и забавамъ (качели, исполиновые шаги, шесты и лѣстницы для лазанья и т. д., въ зимнее время катки для катанья на конькахъ и высокія ледяныя горы). Послѣдніе два года я провелъ въ бывшемъ Пашковскомъ домѣ (нынѣ Публичный Румянцовскій музей), монументальномъ зданіи, одномъ изъ красивѣйшихъ въ Москвѣ, но далеко не столь удобномъ, какъ прежнее зданіе, съ рекреационными залами значительно меньшаго размѣра и съ дворомъ, который въ 3 или 4 раза былъ меньше прежняго институтскаго двора, безъ всякихъ деревьевъ и весь на солнцепекѣ; но и здѣсь было, гдѣ и въ лапту поиграть и въ бары, и въ перегонку, а зимою и на конькахъ покататься. На наше здоровье и физическое развитіе обращалось вообще большое вниманіе. Маршировкой насъ, правда, не занимали, ограничиваясь только требованіемъ и наблюденіемъ, чтобы мы мѣрнымъ шагомъ попарно по 3 раза въ день чрезъ весь институтъ ходили въ столовую и тѣмъ же порядкомъ уходили изъ нея; но зато въ старшемъ отдѣленіи насъ учили фехтованію, съ каковою цѣлью къ намъ приходили обыкновенно въ вечернюю рекреацію (отъ 6 до 7-ми часовъ) 4 мастера этого дѣла, и во главѣ ихъ необыкновенно высокой французъ Трейль, затѣмъ Пуаре, Агаѳоновъ и Ивановъ. Главнымъ образомъ насъ учили фехтованію на рапирахъ, и многіе изъ насъ достигали въ этомъ искусствѣ большой виртуозности. Къ числу первыхъ фехтовальщиковъ принадлежалъ мой братъ Василій, который могъ выдерживать *assaut* съ любымъ изъ нашихъ учителей фехтованья и уступалъ пальму первенства только нашему учителю латинскаго языка Фабриціусу, оказавшемуся, къ общему нашему удивленію и восторгу, такимъ мастеромъ этого дѣла, что предъ нимъ всѣ должны были преклониться. Я помню, какъ онъ пришелъ къ намъ въ первый разъ на урокъ фехтованья и попеременно состязался съ каждымъ изъ учителей и каждого изъ нихъ побѣждалъ. Особенный мастеръ былъ онъ вышибать изъ руки рапиру, и Трейль, какъ ни старался противостоять ему въ этомъ отношеніи, но все-таки оказывался въ концѣ концовъ обезоруженнымъ и очень сердился на Фабриціуса, говоря во всеуслышаніе, что это нечестный и недостойный способъ борьбы съ противникомъ, съ чѣмъ мы никакъ не могли согласиться,

находя, что это въ высшей степени эффектно и въ то же время великодушно обезоруживать такимъ образомъ противника и затѣмъ, какъ это дѣлалъ всегда Фабриціусъ, показать ему, что могъ бы его заколотъ, но тотчасъ же обращался въ противоположную сторону. Послѣ своихъ побѣдъ Фабриціусъ сталъ настоящимъ героемъ, и никто изъ учителей фехтованья не рѣшался вступать съ нимъ въ *assaut*, а противопоставляли ему брата моего Василя, съ которымъ не легче было справиться, чѣмъ съ кѣмъ-либо изъ учителей, и который вскорѣ усвоилъ себѣ пріемъ выбивать рапиры изъ руки противника и нерѣдко съ большимъ успѣхомъ обезоруживалъ такимъ образомъ самого Фабриціуса, къ большому удовольствію Трейля и его коллегъ и всѣхъ насъ, зрителей. Достигъ Фабриціусъ такой виртуозности въ фехтованіи въ бытность свою студентомъ Дерптскаго университета.

Г. П. Данилевскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Московскомъ дворянскомъ институтѣ восхваляетъ мое искусство кататься на конькахъ; но настоящимъ виртуозомъ въ этомъ дѣлѣ былъ не я, а братъ мой Василій, который и впоследствии, будучи студентомъ Московскаго университета, изумлялъ москвичей, собиравшихся на Прѣсенскомъ пруду, тѣмъ, что скатывался съ тамошнихъ высокихъ ледяныхъ горъ не только на одной ногѣ, обращаясь лицомъ къ верху горы, но даже и въ первой позиціи, и взбѣгалъ на конькахъ на эти горы. Ледяныя горы на институтскомъ дворѣ часто изображали собою крѣпость, которую одни ученики защищали, а другіе брали приступомъ: дѣло начиналось съ обстрѣливанія другъ друга снѣжками, а затѣмъ нападающіе, которыхъ обыкновенно было вдвое больше противъ защищающихся, должны были по льду горы взобраться на ея вершину и оттуда спустить по льду же своихъ противниковъ. Игра эта была еще при мнѣ запрещена послѣ того, какъ разгорячившіеся нападающіе сбросили сверху горы на груды снѣга внизъ одного изъ вождей своихъ противниковъ: онъ, правда, не расшибся, но обнаружился нѣкоторые признаки сотрясенія мозга, которое впрочемъ прошло благополучно.

Водили насъ также гулять по улицамъ Москвы, чего мы, впрочемъ, не долюбивали; но любили ходить въ экзерциргаузъ и тамъ смотрѣть на ученіе солдатъ. Это удовольствіе нерѣдко доставлялъ намъ надзиратель Бессеръ, который былъ самъ отставнымъ штабсъ-капитаномъ русской арміи и былъ вообще очень любимъ нами за свою доброту и кротость. Удовольствіе это отравлялось для насъ тѣмъ, что во время этихъ

ученій тутъ же происходила и расправа съ провинившимися рядовыми, которыхъ били шомполами отъ ружей и кулаками по лицу. Жестокое было то время и тяжкая солдатчина, длившаяся цѣлыхъ 25 лѣтъ!

Весною и раннею осенью въ воскресные и праздничные дни съ остававшимися въ институтѣ учениками предпринимались экскурсіи пѣшкомъ за городъ — въ Шелепиху, въ Марьину Рошу, въ Нескучное, на Воробьевы горы, при чемъ насъ учили ботанизировать и собирать окаменѣлости, и объ экскурсіяхъ этихъ, конечно, никакихъ криковъ тогда не было, какъ теперь; впрочемъ, къ великому счастью для нашего воспитанія, газеты нами тогда вовсе не занимались. Остававшіеся на лѣтнее вакаціонное время въ институтѣ проводили его на дачѣ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, гдѣ впоследствии устроена была Земледѣльческая академія, преобразованная потомъ въ сельско-хозяйственный институтъ.

Одной изъ придуманныхъ для насъ подвижныхъ игръ, кажется, нельзя одобрить съ педагогической и даже съ гигиенической точки зрѣнія: это игра на билліардѣ. Движенія и упражненія для мускуловъ при этой игрѣ весьма однообразны и незначительны; билліардная комната была всегда переполнена зрителями и участниками въ игрѣ, слѣдовательно, имѣла недостаточно чистый воздухъ; игра хотя и велась не на деньги, что было запрещено, но сама по себѣ многихъ приводила въ азартъ, а главное, многіе къ ней настолько пристращались, что въ воскресные и праздничные дни тайкомъ посѣщали кофейни и трактиры, а впоследствии уже студентами очень много проводили за ней времени въ знаменитыхъ студенческихъ трактирахъ—Британіи, Желѣзномъ и Печкина и играли уже на деньги.

Большого числа уроковъ даже въ самыхъ младшихъ классахъ никто тогда не опасался. Въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ по расписанію 1839 года, въ I классѣ было 23 урока въ недѣлю (= 34½ часа), а въ остальныхъ пяти по 24 урока (= 36 часамъ).

По этому расписанію преобладающимъ предметомъ ученія былъ у насъ латинскій языкъ. На него было назначено 24 полурочасовыхъ урока, на отечественный языкъ — 17 уроковъ, на каждый изъ новыхъ иностранныхъ, а также и на математику по 16 уроковъ, на Законъ Божій—8 уроковъ, на исторію и на географію со статистикой въ отдѣльности по 9 уроковъ, на греческій языкъ 12 уроковъ и на физику съ космогра-

фіей — 3 урока. Греческій языкъ не былъ обязателенъ. Сами мы о цѣли этого ученія имѣли первоначально самое дикое понятіе. Я помню, я обратился къ старшему брату за совѣтомъ, учиться ли мнѣ греческому языку или не учиться. Самъ онъ ему не учился, но мнѣ совѣтовалъ учиться. Зачѣмъ? Въ гимназіяхъ, какъ я послѣ узналъ, на этотъ вопросъ былъ одинъ отвѣтъ: чтобы пріобрѣсти чинъ XIV класса и имѣть право поступить на гражданскую службу. Мы, какъ потомственные дворяне, этимъ правомъ пользовались уже по самому своему происхожденію, и чиномъ XIV класса не очень дорожили, такъ какъ и безъ того получили бы его черезъ годъ по окончаніи курса и поступленіи на службу и почти всѣ имѣли въ виду поступить въ университетъ. Мнѣ на мой вопросъ братъ Василій отвѣчалъ, что, обучаясь греческому языку, я облегчу себѣ поступленіе въ дипломатическую службу: очевидно, что и наши шестиклассники были очень плохими практиками и еще худшими цѣнителями общаго культурнаго, научнаго и педагогическаго значенія греческаго языка.

Нашимъ учителемъ греческаго языка былъ большой его знатокъ родомъ изъ Саксоніи Громанъ, весьма плохо знавшій русскій языкъ и въ своихъ объясненіяхъ съ нами постоянно прибѣгавшій къ помощи нѣмецкаго и латинскаго языковъ, а относительно правильности и изящества нашихъ переводовъ на русскій языкъ полагавшійся на насъ самихъ и предоставлявшій намъ прибирать самимъ наиболѣе подходящія слова и выраженія. Но этотъ недостатокъ искупался несбыкновенною его любовью и воодушевленіемъ къ своему предмету, что мало-по-малу передавалось и намъ. Гомера, когда мы дошли до него, онъ не читалъ, а распѣвалъ на подобіе древнихъ греческихъ рапсодовъ: такъ мы и прозвали его рапсодомъ, и сами съ необыкновеннымъ увлеченіемъ читали Гомера, нѣкоторыя элегическія и антологическія стихотворенія, трагедіи Софокла и Эврипида, а изъ прозаиковъ немного Ксенофонта, больше Плутарха и Геродота, Фукидида и Платона. Началъ онъ обучать насъ, написавъ на доскѣ басню Эзопа: „Волкъ въ овчарнѣ“ („Какой бы шумъ вы подняли, друзья, когда бы это сдѣлалъ я“), и тутъ же заставилъ насъ много разъ прочесть эту басню, заучить слова и ихъ значеніе въ той формѣ, въ какой они употреблены были въ баснѣ, и выучить всю басню наизусть, и затѣмъ то же самое продѣлалъ съ нѣкоторыми другими баснями въ началѣ I-й части христоматіи Якобса и съ нѣкоторыми стихотвореніями.

Научивъ насъ читать по-гречески и продолжая чтеніе связанныхъ статей христоматіи Якобса съ заучиваньемъ словъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ они попадались, съ значеніемъ, и самихъ статей, Громанъ съ свойственною ему живостью и энергіей принялся наизусть разучивать съ нами въ классѣ коротенькую грамматику Шада (собственно этимологию или, лучше сказать, образцы склоненій и спряженій, на 3-хъ или 4-хъ печатныхъ листахъ). Помню, какъ теперь, какъ онъ скандировалъ формы повелительнаго наклоненія настоящаго времени, а мы за нимъ всѣ разомъ распѣвали изо всей мочи:

τύπτε—τυπτέτω,
 τύπτετον—τυπτέτων,
 τύπτετε—τυπτέτωσαν.

Уроки эти были очень веселые, оживленные и шумные. Нерѣдко къ намъ заглядывали надзиратели сосѣднихъ классовъ, гдѣ уже шла репетиція, и просили Громана, нельзя ли потише; потомъ уже догадались отвести намъ изолированное помещеніе, чуть ли не въ физическомъ кабинетѣ.

Переводовъ съ русскаго языка на греческій и какихъ бы то ни было письменныхъ упражненій въ греческомъ языкѣ и его грамматикѣ у насъ вовсе не было, и мы такъ и остались безъ умѣнья писать по-гречески скорописью. Греческаго синтаксиса систематически мы вовсе не проходили, а при случаѣ намъ объяснялись синтаксическіе обороты и особенности греческой рѣчи. Также не проходили вовсе метрики, а научались съ голоса, повторяя за Громаномъ, читать гекзаметры, пентаметры, ямбы и хорей. Основательныхъ и надежныхъ знаній въ греческомъ языкѣ при такомъ ничтожномъ числѣ уроковъ (12—18 часовъ), конечно, невозможно было намъ приобрѣсти, и результатомъ было то, что мы до крайности затруднялись чтеніемъ Фукидида (рѣчей и общихъ очерковъ событій и разсужденій) и отчасти также чтеніемъ Платона, почти до неспособности съ ними справляться собственными силами. На насъ оправдывались слова, которыя вслѣдъ за Гр. Ив. Лапшинымъ любилъ повторять Иванъ Давыдовичъ Деляновъ: „Ars grammatica semper ulciscitur contemptorem sui“. Громанъ очень хорошо это зналъ и понималъ и очень рекомендовалъ намъ въ свободное время пополнять наше грамматическое образованіе по обширной грамматикѣ Маттеи на нѣмецкомъ языкѣ, что мы отчасти и дѣлали. Но зато читали мы очень много и съ большимъ увлеченіемъ, особенно Гомера, Софокла и Эврипида, а

изъ прозаиковъ Геродота, и если не вынесли твердыхъ и надежныхъ грамматическихъ познаній по греческому языку, зато узнали высокую цѣну греческой литературы и высоко цѣнили занятія ею и ея языкомъ. Поступившимъ на историко-филологическій факультетъ и желавшимъ продолжать занятія греческимъ языкомъ для изученія классической филологіи, или сравнительнаго языковѣдѣнія, или исторіи, или философіи пришлось самимъ вновь проходить греческую грамматику отъ начала и до конца; но по крайней мѣрѣ мы имѣли для этого и довольно твердыя элементарныя познанія, и охоту.

Въ латинскомъ языкѣ на грамматику обращалось несравненно больше вниманія, и мы проходили ее довольно основательно сначала по Кошанскому, а потомъ по Цумпту (съ сокращеніями); но экстемпораліями или письменными переводами съ русскаго на латинскій, сколько мнѣ помнится, мы вовсе не занимались, устныхъ переводовъ съ русскаго на латинскій мы очень не долюбивали, и они бывали у насъ очень рѣдко. Мы предпочитали имъ не только чтеніе авторовъ, но и изученіе грамматики Цумпта по приведеннымъ у него многочисленнымъ примѣрамъ на правила. Чтеніемъ же авторовъ мы очень увлекались, и вообще уроки какъ греческаго, такъ и латинскаго языковъ не только насъ не тяготили, но оставили по себѣ самое пріятное воспоминаніе, несмотря на то, что я и сверстники мои обучались и латинскому языку у преподавателей, которые, конечно, хуже знали по-русски, чѣмъ бывшіе впоследствии учителя древнихъ языковъ изъ чеховъ и другихъ западныхъ славянъ: въ младшихъ двухъ классахъ училъ насъ Мессъ, о которомъ была уже рѣчь выше, а въ остальныхъ четырехъ Августъ Карловичъ Фабриціусъ, о которомъ было выше говорено, какъ о великомъ мастерѣ драться на рапирахъ. Въ другихъ классахъ въ то же время учили природные русскіе учителя, слывшіе за отличныхъ: такъ, братъ мой Василій учился сначала у извѣстнаго Якова Васильевича Смирнова, а потомъ у Петра Ивановича Пѣвницкаго. И Мессъ и Фабриціусъ оба были очень оживленными и энергическими преподавателями. Мессъ былъ настоящимъ человѣкомъ, чтобы заставить своихъ учениковъ твердо-на-твердо выучить склоненія и спряженія со всѣми уклоняющимися отъ правилъ именами и глаголами. Главнымъ образомъ, мы ему обязаны, что въ дальнѣйшемъ ученіи не встрѣчали никакихъ затрудненій со стороны латинской этимологіи и имѣли не малый запасъ словъ и всякаго рода назидательныхъ латинскихъ изреченій. Впро-

чемъ, у него же мы начали читать авторовъ, и первымъ изъ нихъ во II классѣ былъ Юстинъ (извѣстный эпитоматоръ Трога Помпея), котораго онъ предпочиталъ болѣе распространенному въ то время въ нашихъ гимназіяхъ Lhomond'у — *De Viris illustribus urbis Romae*. Юстинъ не очень насъ затруднялъ и нравился намъ своимъ легкимъ повѣствованіемъ о народахъ древняго Востока. Когда въ III классѣ уже у Фабриціуса мы приступили къ чтенію Корнелія Непота, то онъ затруднялъ насъ гораздо больше. Прочли мы его біографію Мильтіада, Θεμισтокла и Аристиды, и въ слѣдующее полугодіе перешли къ Курцію Руфу *De rebus gestis Alexandri magni*, который показался намъ гораздо интереснѣе и Юстина, и Корнелія Непота. Попутно мы читали, не помню въ III или въ IV классѣ, басни Федра. Въ IV классѣ читали мы въ I полугодіе Цезаря, во второе полугодіе Саллюстія, который казался намъ гораздо интереснѣе Цезаря, и начали метаморфозы Овидія. Въ V классѣ читались рѣчи Цицерона противъ Катилины (прочли, помнится, только одну 1-ю рѣчь), *pro Archia roeta*, *pro Murena* и *in Verrem de suppliciis*, и въ 1-мъ полугодіи метаморфозы Овидія, а во 2-мъ Энеиду Вергилія, вторую книгу; наконецъ, въ VI классѣ Тита Ливія книгу 39-ю и Цицерона *de officiis*, 4-ю книгу Энеиды и оды Горация. Читали мы очень много какъ то, что было нами подготовлено напередъ во время репетицій, такъ и то, что мы разбирали и переводили въ классѣ подъ руководствомъ и при помощи учителя, что естественно вызывалось самою продолжительностью уроковъ. Не мало также заучивалось наизусть разныхъ отрывковъ и изреченій. Результатомъ такого обильнаго чтенія латинскихъ авторовъ была и охота къ занятіямъ латинскимъ языкомъ, и навыкъ довольно легко справляться съ не особенно трудными латинскими текстами, а тѣ изъ насъ, которые поступили потомъ на историко-филологическій факультетъ, не встрѣчали никакого затрудненія слушать на латинскомъ языкѣ лекціи нашихъ филологовъ на первыхъ двухъ курсахъ: Клина, Шестакова и Меньшикова, а на III и IV курсахъ — Леонтьева и Гофмана, отвѣчать имъ и диспутировать съ ними по-латыни, и даже порядочно писать по-латыни.

Преподаваніе древнихъ языковъ, особенно же латинскаго, достигало такимъ образомъ въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ довольно удовлетворительныхъ результатовъ, благодаря, конечно, прежде всего знающимъ, умѣлымъ, вполне преданнымъ своему дѣлу, воодушевленнымъ и энергическимъ учителямъ,

небольшому сравнительно числу учениковъ (едва-ли въ какомъ классѣ болѣе 30) ¹⁾, очень строгому вообще режиму, продолжительнымъ репетиціямъ и быть можетъ также продолжительности каждаго урока, содѣйствовавшей болѣе сосредоточенности вниманія учениковъ, увеличивавшей вѣроятность для каждаго ученика быть спрошеннымъ если не въ каждый урокъ, то раза два въ недѣлю и чрезъ то побуждавшей лучше готовиться къ каждому уроку. Полтора часовые уроки представляли для всѣхъ предметовъ одинаковое преимущество и сверхъ того давали возможность учиться подъ непосредственнымъ руководствомъ учителей по 6 часовъ въ день, занимаясь при этомъ всего лишь 4-мя предметами и имѣя надобность приготовляться по болѣе мѣрѣ лишь къ 4-мъ урокамъ; но по предметамъ болѣе труднымъ, какъ древніе языки и математика, они особенно пригожались, такъ какъ именно эти предметы требовали наиболѣе сосредоточеннаго вниманія.

Изъ общихъ мѣръ, возвышавшихъ успѣшность ученія по всѣмъ предметамъ, особенно же по древнимъ языкамъ, нельзя не упомянуть и о томъ, какъ были у насъ устроены переводные изъ класса въ классъ экзамены: 1) они производились послѣ лѣтней вакаціи; 2) они производились во всѣхъ классахъ по всѣмъ предметамъ въ одну недѣлю (съ 7 по 14 августа включительно), и 3) письменныя испытанія—собственно русское сочиненіе (не помню хорошо, были ли письменные переводы съ латинскаго или съ новыхъ иностранныхъ языковъ на русскій: полагаю, что ихъ не было) предшествовали устнымъ испытаніямъ. Не перечитать въ лѣтнюю вакацію всего прочитаннаго въ продолженіе года было рискованно, потому что экзаменъ происходилъ по билетамъ, въ которыхъ обозначались всѣ мѣста изъ прочитанныхъ авторовъ и которые располагались въ двухъ группахъ: одна для поэтовъ, другая для прозаиковъ. По древнимъ языкамъ намъ вмѣнялось въ обязанность перечитать къ экзаменамъ все то, что было прочитано изъ древнихъ авторовъ въ теченіе всего года, и умѣть каждое мѣсто объяснить этимологически и синтаксически и по его содержанию: особаго экзамена изъ грамматики не полагалось, но при чтеніи авторовъ постоянно приходилось справляться съ грамматикой. Такъ какъ, благодаря продолжительности каждаго

¹⁾ По положенію 1836 г. въ классѣ не допускалось болѣе 25-ти учениковъ, а по уставу 1845 г. не болѣе 30-ти учениковъ, при большемъ же числѣ учреждалось параллельное отдѣленіе.

урока, мы много читали курсорно при помощи и подъ руководствомъ учителя и изъ каждаго автора прочитывали сравнительно очень много, то это перечитываніе въ вакаціонное время одного автора за другимъ, какъ то намъ усиленно рекомендовалось, приносило существенную пользу: мы вчитывались такимъ образомъ въ каждаго автора и усвоивали себѣ содержаніе всего прочитаннаго въ его цѣлости и совокупности. По всѣмъ другимъ предметамъ—по закону Божію, по географіи, по исторіи—повторяли весь годовой курсъ во всей его совокупности, обзрѣвая его со всѣхъ сторонъ, болѣе вникая въ него и болѣе заинтересовываясь имъ, чѣмъ когда мы проходили его по частямъ въ продолженіе всего года, рядомъ съ другими предметами. Такое самостоятельное, цѣлокупное повтореніе каждаго предмета одного за другимъ въ продолженіе вакаціоннаго времени должно было содѣйствовать и лучшему усвоенію каждаго предмета, и большей умственной сосредоточенности нашей, и развитію большей склонности и охоты къ самостоятельной умственной работѣ.

Я помню, съ какимъ удовольствіемъ я уединялся для этихъ занятій въ нашемъ тѣнистомъ саду, и съ какимъ усердіемъ я предавался имъ съ утра и до обѣда (обѣдали тогда рано, часа въ два), а нерѣдко и послѣ обѣда до вечерняго чаю или молока (въ 7 часовъ). Очень интересовалась этими моими занятіями сестра Надя и спрашивала меня, что мною пройдено въ каждый день, и просила передавать ей содержаніе прочитаннаго мною изъ древнихъ авторовъ. Побуждалась она къ этому, кажется, только собственною любовнательностью; но этотъ интересъ ея ко всѣмъ предметамъ очень оживлялъ всѣ мои занятія и дѣлалъ ихъ болѣе плодотворными.

Сообщ. Левъ Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

